

NIKIFOROVA I. V. Contribution of scientists Dnepropetrovsk in new space instruments in the twentieth century.

The article presents the results of scientific and technical work to create space instruments held in Dnepropetrovsk. First shows the devices that were created at the Department of Applied Mechanics, Dnepropetrovsk State University.

The 20th century's progress demanded from rocket engineering and space science to find the methods and means in order to provide life activity for people under space conditions. For this, they needed to develop the ecological system of the Earth type, which would ensure residence of human beings in closed rooms of space stations or spacecrafts during lengthy flights held out of the biosphere environment.

By starting elaboration of the principles for ecological systems construction in-space, the scientists considered their ideal prototype of a "spacecraft" created by the nature itself – our Planet. The Earth possesses the closed cycle of vital matters: constant consumption and regeneration of water and nitrogen, cyclical conversion of oxygen into carbon dioxide with animals breathing and carbon dioxide into oxygen with photosynthesis of vegetation.

Research aims and objectives set out in the article, is to conduct historical and chronological overview of the formation and development of the research team to develop space devices such as "Aquarium", "Incubator", "Gidrobiostat".

The author was the first to fill the gaps in the historiography of works on creation of space instruments described and shown the value development of Dnipropetrovsk National University. Submit individual scientists who worked on the creation of the instrument.

Keywords: *space instruments, domestic rocket science, closed ecological systems, scientists Dnepropetrovsk.*

УДК 272:323.281(477)"1937/19384

**Козырская А.
Университет Николая Коперника в Торуне
Республика Польша**

**РЕПРЕССИИ ПРОТИВ КАТОЛИКОВ БАРСКОГО
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА (1937–1938 гг.)**

Исследованы сталинские репрессии против Католической церкви в УССР на примере Барского прихода св. Анны в Винницкой области 1937–1938 гг. Определены цели, формы и средства антирелигиозной сталинской политики. Прослежены судьбы католиков прихода св. Анны, репрессированных "по польской линии".

Ключевые слова: *сталинские репрессии 1937–1938 гг. в Винницкой области, положение Римско-католической церкви в УССР, репрессии против поляков, "польская операция".*

Атеистическая идеология советского государства рассматривала борьбу с религией как средство освобождения его граждан от суеверий и предрассудков прошлого. Война с религией и церковью, объявленная еще в 20-тые гг. прошлого столетия, в конце следующего десятилетия характеризировалась ожесточением средств и методов. К 1937 году

планировалось полностью ликвидировать всяческие проявления религиозной жизни на территории СССР. Подписанный Иосифом Сталиным 3 мая 1932 года план “безбожной пятилетки” предвидел нанесение решающего удара по религии в нескольких этапах. В первом из них (1932–1933 гг.) планировалось закрыть все храмы, в последующие два года – расстрелять духовенство, а в 1935 г. – начать расправу с верующими, подчеркивающими свои связи с религией. Формы борьбы с “религиозниками” предполагали, к примеру, лишение их продовольственных карточек, даже родительских прав, увольнение с работы. От этого года намечалось начать широкомасштабную кампанию строительства нового советского культа. И наконец, в 1937 году планировалось расстрелять последних верующих [3, с. 86].

Лицемерие советской политики в области религии состояло в том, что одновременно новая Конституция СССР с декабря 1936 г. (ст. 124), наряду со свободой атеистической пропаганды, гарантировала свободу совершения религиозных обрядов. Эти положения повторяла Конституция УССР с 1937 года. Выше указанные гарантии породили в среде верующих неоправданные надежды на оживление их религиозной активности. В советской Украине миряне разных конфессий начали обращаться к областным и республиканским властям с просьбой открыть ранее закрытые храмы. В ответ советские органы безопасности начали разоблачать и карать “контрреволюционные клерикальные элементы”. К концу 1938 года в УССР не осталось ни одного действующего католического храма и не единого священника, совершающего религиозные требы. Борьба с Католической церковью стала составляющей сталинских репрессий против польского населения, в которых были задействованы большие человеческие ресурсы и средства [6, с. 93].

Целый ряд обвинительных заключений из следственных дел НКВД, хранящихся в фондах Государственного архива Винницкой области, свидетельствуют о том, что в 1937–1938 гг. Большое количество лиц польского происхождения было репрессировано так по национальному, как и по религиозному признаку. Огромное число мучеников за веру, расстрелянных работниками Винницкого управления НКВД, подтверждают открытые в 1943 году в Виннице массовые захоронения жертв сталинских репрессий этого периода. В могилах было обнаружено большое количество религиозных предметов: крестиков, четок, религиозных рукописей [8, с. 118].

Правовым основанием для вынесения наивысших приговоров большинству из них была преимущественно 54 статья Уголовного кодекса УССР (УК УССР) в редакции 1927 года, касающаяся контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. По сравнению с началом

тридцатых годов, когда частыми мерами наказаниями для осужденных за приверженность к религии было несколько лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), в годы Большого террора эти меры были значительно усилены. Тогда за подобные “преступления” приговаривали к расстрелу либо сроку 10 лет лишения свободы, а целые семьи депортировали [6, с. 85]. Приговоренных к высшей мере наказания расстреливали во дворе Винницкого областного УНКВ, а позже тайно закапывали в групповых могилах.

Чаще всего католики обвинялись по статье 54-10 УК УССР. Этот пункт предвидел наказания за следующие действия: “пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 54-3 – 54-9), а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания”. За подобные преступления УК УССР предвидел наказание лишения свободы сроком не менее шести месяцев. За преступления, указанные во второй части того же пункта (54-10) за “те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных предрассудков масс” предвиделась высшая мера наказания – расстрел, или объявление врагом народа с конфискацией имущества и лишением гражданства УССР [10, с. 260]. Очень часто католики, как лица польской национальности, осуждались дополнительно по ст. 54-4 и 54-11 УК УССР.

Существующий с XVI века римско-католический приход в г. Бар, Винницкой области, в годы сталинских репрессий также понес человеческие потери. Приход принадлежал к Могилевскому деканату Каменец-подольской католической епархии. До революции, по состоянию на 1914 г., Барская католическая община насчитывала около 6 200 человек [4, с. 75]. Принадлежала к числу довольно больших по численности верующих приходов епархии, хотя и не самых крупных. К территории прихода принадлежал не только г. Бар, но и окрестные села.

Приходской костел св. Анны, построенный в начале XX века, окончательно был закрыт в 1937 году. Храмовое здание использовалось как зернохранилище. Во время оккупации местным католикам удалось получить разрешение немецких властей на открытие костела. Регулярные службы там однако не проводились из-за отсутствия священников. После окончания войны и в последующие годы, несмотря на попытки советских органов вновь закрыть костел, барские прихожане отстаивали свой храм [7, с. 81, 85-87].

После закрытия приходского храма в 1937 года барские католики днем и ночью молились у здания, чтоб не допустить его разрушения. Ездили также к представителям власти в Виннице с просьбой открыть костел. По большим праздникам собирались на молитву под закрытой дверью своего

храма [7, с. 128, 153]. Протесты против закрытия костела стали одной из причин репрессий многих из них. В разгар сталинского террора, ввиду грозящей опасности, католики тайно собирались по домам на совместную молитву. Преследования, однако, не миновали в первую очередь тех, кто организовывал и проводил такие молитвы.

Еще до закрытия костела св. Анны в г. Бар, серьезным ударом по организации религиозной жизни общины было устранение органами НКВД ксендзов, которые совершали священные обряды и управляли жизнью прихода. Позже, во время проведения массовых арестов в 1937–1938 гг., даже минимальные связи со священниками в прошлом становились предлогом для обвинения барских католиков в контрреволюционной антисоветской деятельности. Подобные обвинения относились к ситуациям, когда прихожане сталкивались с находившимся еще на свободе духовными при совершении священных обрядов, принимая в них участие или помогая ксендзам, равно как и когда пытались организовать помощь для священников, находившихся в местах заключения.

Одним из служивших в Баре священников был кс. Ян Свидерский (1889–1959). От 1921 года по поручению епископа Петра Маньковского, вынужденного уехать из советской Украины в Польшу, он управлял Каменец-Подольской епархией. От 1926 г. кс. Свидерский стал ее апостольским администратором, т.е. временно руководил ею по поручению Апостольского Престола. Его назначение на эту должность было последствием тайной миссии иезуита епископа Мишеля Д'Эрбеньи в СССР. Папа римский Пий XI поручил ему проведение реорганизации структур Католической церкви в Советском Союзе. Назначенные тогда апостольские администраторы рассматривались советскими органами как агенты Ватикана. От 1927 года кс. Я. Свидерский совмещал должность апостольского администратора с функцией настоятеля прихода в Баре, откуда и управлял епархией. В это время он очень много ездил по епархии, посещая ее приходы. Старался поддерживать морально не только светских католиков, но и духовенство. Пытался предотвратить выезд священников, которые, не будучи уже в состоянии терпеть оказываемое на них советскими органами давление, думали уехать в Польшу. В том же году органы ГПУ заставили кс. Свидерского и еще нескольких ксендзов подписать сфабрикованное обращение к римско-католическому духовенству Подолья. Составленный по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции текст в духе самокритики осуждал антисоветскую и шпионскую деятельность католических духовных, а также заверял в полной их лояльности по отношению к советской власти [1, с. 172-176]. В 1930 г. кс. Свидерский был арестован и осужден по групповому делу ксендзов и других лиц "польской-контрреволюционной и шпионской

организации на Правобережной Украине”. За контрреволюционную работу 27 июля того же года был приговорен к расстрелу, замененным на 10 лет лишения свободы [9]. В 1932 г. выехал в Польшу по программе обмена политзаключенными [2, с. 477-479; 5, с. 88-98].

Несомненно, то обстоятельство, что Барский приход был некоторое время резиденцией управляющего епархией, имел влияние на повышенную заинтересованность советских органов местными католиками. Связь с кс. Я. Свидерским стала причиной ареста целого ряда активистов общины. К их числу принадлежал Мартин Иосифович Ясинский из с. Ивановцы, Барского района. Он обвинялся в участии в контрреволюционной националистической организации, создание которой приписывалось ксендзам Яну Свидерскому и Якову Зданевичу. Второй из названных священников до ареста в 1935 г. также служил в г. Бар, а в результате обвинения был приговорен к 5 годам ИТЛ и 2 годам лишения гражданских прав [2, с. 527; 5, с. 191-193]. На допросе 19 февраля 1938 г. М. И. Ясинский не скрывал, что хорошо знал выше указанных ксендзов и посещал их в доме своего брата, в котором они часто бывали. Упомянутый им брат, Франц Ясинский, вместе с другими поляками был арестован еще осенью 1937 г. Мартин Ясинский подтверждал также, что являлся активным прихожанином “польской костельной общины” в г. Бар и регулярно посещал костел. Католик был осужден по ст. 54-4 и 54-10 УК УСРР к 10 годам ИТЛ, а в 1960 г. – реабилитирован [9, спр. 10468].

Из протоколов допросов свидетелей следует, что тесную связь с кс. Я. Свидерским поддерживал также Петр Каплычный – житель с. Затоки (Лодзиевка), Барского района. Из показаний вытекает, что католик был активным прихожанином и верным соратником кс. Я. Свидерского, которому помогал организовать католиков в селе. На их основании мужчина обвинялся в участии в польской националистической организации, вместе с односельчанами Францом Гавлонским, Антоном Губчакевичем и Андреем Терлецким. По словам следователей НКВД, собрания этой группы посещал упомянутый священник. Мужчина не отрицал, что знал ксендза, т.к. неоднократно видел его в барском костеле. Опровергал однако свои личные близкие отношения с кс. Свидерским, которого вообще не видел в Затоках, равно и то, что получал от него какие-либо задания. Хотя мужчина не признал своей вины, то был расстрелян 28 февраля 1938 года. В 1981 г. был реабилитирован [9, спр. 16379]. Такая же трагическая участь постигла Франца Войцеховича Гавлонского, приговоренного к высшей мере наказания за поддержку “преступной связи” с кс. Я. Свидерским, участие “в национальных сборищах поляков” и антисоветскую пропаганду. В 1966 году мужчина был реабилитирован [9, спр. 16379].

Свою близкую связь с кс. Я. Свидеским и с другими духовными лицами подтверждал Михаил Григорьевич Прухницький – житель с. Шершни, Барского района, арестованный 15 октября 1937 года. С протокола его допроса следует, что с самого детства на его воспитание и формирование взглядов, в том числе отношение к Польше и советской власти, оказывали большое влияние ксендзы. На основании обвинения по ст. 54-4 и 54-10 УК УССР в проведении контрреволюционной, националистической деятельности в селе был расстрелян 14 декабря 1937 года. В 1989 году мужчина был реабилитирован [9, спр. 17236].

Его односельчанин, Михаил Ксаверьевич Завадский, также обвинялся в связях с кс. Я. Свидерским и работавшим намного раньше в Баре кс. Марианом Токаржевским. Духовный в 1917 г. стал настоятелем Барского прихода, после чего дважды арестовывался большевиками и приговаривался к расстрелу. От смерти его спасли настоятельные требования жителей Бара, принадлежавших к разным конфессиям. В 1920 г. священник уехал в Польшу и вопреки своему желанию больше не смог вернуться на Украину [2, с. 481]. Много лет спустя после выезда священника Михаил Завадский “изобличался” в том, что будучи активным членом костельной общины и поддерживая тесные связи с кс. Токаржевским, содействовал ему “в организации религиозно-националистического элемента”. Позже также “неоднократно устраивал у себя сборища религиозного актива, которого обрабатывал в патриотическом духе” [9, спр. 14570]. Католик подтверждал свое активное участие в жизни приходской общины, на что также указывали свидетели. Он являлся попечителем костела (“костельный”), т.е. прислуживал священникам во время св. Службы и приобщал к этому молодежь, неоднократно сопровождал ксендзов во время визитов у католиков для совершения религиозных обрядов. Из допроса одного из свидетелей следует, что после закрытия костела в Баре, он вместе с председателем приходского комитета, Тересой Заморской, собирал среди католиков подписи на его открытие. М. С. Завадский был расстрелян 31 января 1938 г., а в 1963 г. был реабилитирован.

Вместе с ним был расстрелян его односельчанин Клец Степан Петрович, арестованный в канун Рождества – 24 декабря 1937 года. В справке-характеристике о нем сказано: “по национальности религиозный поляк” [9, спр. 20270]. Мужчина обвинялся в поддержке связей с ксендзами Свидерским и Токаржевским, а также в организации кружков св. Розария, в которые он вовлекал крестьян, в особенности молодежь. В 1989 г. С. П. Клец был реабилитирован.

День спустя, как результат обвинений в тесных связях с ксендзами, погиб Прухницький Иосиф Станиславович, также житель с. Шершни. На

допросе арестованный подтвердил, что он до закрытия костела посещал его. Как сам объяснял, его же контакты с ксендзами заключались в том, что однажды в село на коляду приезжал священник, который в том числе побывал в его доме [9, спр. 22042].

Примером хорошо отлаженного механизма сталинского террора является групповое дело девяти католиков из с. Хутор Чемериский, Барского района. В 1937–1938 гг. советские органы безопасности сфабриковали много похожих групповых дел, ставших причиной обвинения католиков в участии в контрреволюционных организациях, основанных и управляемых римско-католическим духовенством [5, с. 244]. В данном случае по делу проходили: Петровский Викентий Иосифович, Глушко Иосиф Мартынович, Богуцкий Казимир Иванович, Богуцкий Илья Иванович, Голярский Савелий Филиппович, Глушко Войцех Адамович, Глушко Адам Иосифович, Петровский Иван Иванович и Чайковский Петр Францевич. Первые четыре из перечисленных лиц были охарактеризованы как “активные костельники”. Вся девятка была арестована 22 декабря 1937 года за участие в мнимой польской контрреволюционной организации в хуторе, основанной кс. Яном Свидерским. Кроме того мужчины обвинялись в националистической пропаганде среди польского населения, направленной в том числе на близкую войну с Польшей. Группе инкриминировалось проведение контрреволюционной работы под прикрытием религиозных кружков “Ружанец”. Четверо из обвиняемых (В. Петровский, С. Голярский, В. Глушко, И. Петровский) отрицали свое участие в контрреволюционной организации и вообще опровергли ее существование в хуторе. По делу были допрошены преимущественно те же свидетели, а их показания были схожи по форме и содержанию, что свидетельствует об их фабрикации. Согласно этим показаниям, арестованные являлись активными членами кружков “Ружанец” и имели связи с ксендзами Свидерским и Зданевичем. Если верить этим сведениям, то, например К. Богуцкий, после ареста кс. Свидерского собирал для него пожертвования, но счастливому завершению этой инициативе помешала местная власть.

Вся группа, на основании ст. 54-4 и 54-11 УК УССР, была приговорена к расстрелу, приведенному в исполнение 31 января 1938 года. В 1961 году данное дело было пересмотрено по просьбе Янины Чайковской, интересовавшейся судьбой мужа. Возобновленное следствие установило безосновательность обвинений с 1937 года, в результате чего вся группа была реабилитирована. Вновь допрошенные и новые свидетели отвергли существование в 1937 году в Хуторе Чемериский контрреволюционной организации. Репрессированных вспоминали как добрых людей, которые ничего плохого не делали и не говорили. Передопрошенные свидетели,

проходившие по делу в 1937 году, не подтвердили свои старые показания в целом или частично. Некоторые не подтвердили также подлинности их подписей, стоявших под протоколами допросов. Большинство из них вообще не припоминало себе, чтоб их допрашивали. Оказалось, что справки-характеристики от сельсовета подписал председатель колхоза, позже также репрессированный в 1938 году, и секретарь. Последний сознался, что это сделал под давлением работников НКВД [9, спр. 11973].

В том числе за тесные связи с кс. Максимилианом Туровским из Шаргорода, "которому оказывал содействие в организации религиозно-националистического элемента", был приговорен к расстрелу активный католик Барского прихода Иван Иосифович Гуцал – житель с. Стасюки. Приговор был приведен в исполнение 25 февраля 1938 года [9, спр. 16485]. Указанный священник был арестован еще в 1930 г., а 25 ноября 1937 года – расстрелян в Ленинграде [5, с. 190-195].

В вышеприведенных примерах, кроме связей со священниками, часто встречаются обвинения, касающиеся участия католиков и организации ними кружков "Ружанец". Названные кружки Братства св. Розария (по-польски в сокращении *Ружанец* или *Жива Ружа*) принадлежали к формам религиозной жизни, в которых были активно задействованы верующие. Наряду с кружками св. Розария, популярными среди светских католиков были кружки Братства третьего ордена св. Франциска (*Терциары*). На Подолье такие кружки существовали фактически в каждом приходе. Особенно популярными были кружки первого из перечисленных братств, каждый из которых насчитывал 15 членов. В одном приходе их могло быть от нескольких до около сотни. Принадлежавшие к ним прихожане (братчики) молились индивидуально на четках и собирались на совместную молитву. Органы НКВД считали религиозные кружки одной из главных форм деятельности контрреволюционных элементов среди польского населения. Попытки государства запретить их деятельность или обрести над ними полный контроль путем их регистрации, а в последствии ликвидации, дали только частичный результат. Хотя уже на переломе 20-х/30-х гг. активность религиозных братств начала снижаться в связи с арестами ксендзов, страхом перед репрессиями и нарастанием атеистической пропаганды среди молодежи, то они не исчезли из жизни всех приходов. Более того, после ареста уже всех духовных, в некоторых приходах, по данным областного УНКВД в Виннице от 13 июля 1936 г., деятельность некоторых кружков возросла. Принадлежали к ним в основном пожилые женщины, которые тайно собирались на молитву по домам [5, с. 228-237].

По мере ожесточения преследований по отношению к Католической церкви значение религиозных кружков росло. Были они вспомогательными

элементами организации приходов. В случае ареста священника или закрытия костела становились центрами групповой религиозности. Способствовал этому их полуявный характер [6, с. 70]. Учитывая новую роль таких кружков, католические священники поддерживали деятельность активистов религиозных братств (*зеляторов*). Советские органы рассматривали однако такого рода деятельность католиков как антигосударственную и контрреволюционную. Активное участие в религиозных кружках, в большинстве случаев св. Розария, стало одной из причин репрессий против многих католиков, не исключая и Барского прихода.

Примером такой ситуации является дело Михаила Ивановича Ныдыбского из с. Окладное, Барского района. В его обвинительном заключении сказано, что мужчина являлся активным участником кружка св. Розария. В момент расстрела, 19 января 1938 года, ему было лишь 32 года. В 1989 году мужчина был посмертно реабилитирован [9, спр. 17241].

В том же селе 15 декабря был арестован Иосиф Францевич Надыбский, глава многодетной семьи, работавший в Барской ткацкой фабрике. Он сознавался в том, что являлся активным организатором кружков св. Розария. Был приговорен к 10 годам ИТЛ. В результате пересмотра его дела в 1959 г., по заявлению дочери, предъявленное ему обвинение однако было подтверждено. Причиной были показания свидетелей о негативном отношении поляка к советской власти. И в этом случае справедливость восторжествовала, хотя и 30 лет спустя, когда 1989 году И. Ф. Надыбский был реабилитирован [9, спр. 6719].

Феликс Антонович Якусевич с с. Окладное, Барского района, был членом костельного комитета в Барского прихода, в своем доме собирал членов религиозных братств на молитву. Обвинялся также в тесных связях с ксендзами Соколовским и Свидерским. На допросе выражал свое недовольство по поводу советской политики, связанной с закрытием храмов и препятствиями католикам совершать их религиозные обряды. В начале 1938 года Ф. А. Якусевич был приговорен к 10 годам ИТЛ. Дождаться окончания срока ему однако не было дано. Мужчина умер 9 декабря 1944 года в лагере в Свердловской области, в 1989 году был реабилитирован [9, спр. 20912].

Активная деятельность по организации кружков св. Розария стала одной из причин трагической судьбы Паулины Гончарук из с. Шершни, Барского района. Женщина выполняла это задание по поручению кс. Яна Свидерского, собирала у себя дома или на других квартирах женщин на молитвы, часто проводимые поздним вечером, при выключенном свете, закрытых окнах и дверях. Однако об этих тайных собраниях стало известно доносчикам. 2 декабря 1937 г. П. Гончарук была расстреляна, в 1989 году –

реабілітована [9, спр. 17732].

Імя католички зустрічається і в показаннях свідетелей, проходивших по делу Іосифа Станіславовича Прухницького. Мужчина також учавствовав в зборах релігійних кружків, організованих в домі П. Гончарук і Анни Христовор. Был расстрелян 1 февраля 1938 г., реабілітован в 1989 г. [9, спр. 22042].

Історія другої из выше названих жінок являється прикладом несокрушимости духа и, вопреки жестокой действительности, веры в справедливость. Анна Францевна Христовор была арестованная 24 декабря 1937 г., в канун Рождества. Католичка обвинялась в том, что была активной участницей кружка “Терциары”, куда привлекала молодежь, а также помогала кс. Свидерскому: “По заданиям Свидерского, Христовор к моменту его приезда, устраивала сборища религиозного элемента, на которых Свидерский обрабатывал присутствующих в националистическом духе” [9, спр. 22423]. Жіночка подтвердила свою деятельность в релігійних кружках, а также то, что жертвовала средства на существование костела и оплату налогов, сбор которых проводили ксендзы Токаржевский и Свидерский. К тому же, Анна Христовор не вступила в колхоз, опекаясь тяжело больным мужем, и как единоличница считалась социально вражеским элементом. В конечном итоге женщина была приговорена к 10 годам лишения свободы и отправлена в КарЛаг НКВД в Казахстане. Летом 1938 г. ее муж, Иван Христовор, дважды хлопотал в НКВД СССР об в пересмотре дела супруги, в чем ему было отказано. Поляк просил помиловать его жену или хотя бы позволить ему приехать к ней в место отбывания наказания, т.к. он был бездетным инвалидом. Пытался объяснить, что жена была невиновна, а была оклеветана соседом, заинтересованным их имуществом. Корыстные намерения соседа подтвердила позже сама осужденная в своей жалобе с просьбой о пересмотре ее дела, направленной Верховному Прокурору СССР 3 января 1941 года. Сразу после смерти мужа сосед получил разрешение занять их дом. Просьба Анны не была удовлетворена, а женщина умерла в середине срока – 11 сентября 1943 г. Обжалование приговора самим осужденным встречалось тогда довольно редко, поэму поступок А. Христовор нужно признать проявлением большой смелости. Жіночка была реабілітована лишь в 1989 году.

Ее односельчанин, выше упомянутый Михаил Завадский, также обвинялся в том, что “принимал деятельное участие в организации и устройстве сборищ кружков “Ружанец” [9, спр. 14570].

Михаил Андреевич Павлишин с с. Сеферовка, Барского района, сознавался, что до 1937 г. был участником кружка “Ружанец”. В тексте допроса обвиняемого можно прочесть слова критики советской политики в

области религии: “я будучи озлобленным против политики Соввласти в отношении религии, среди польского населения я вел разговоры о том, что какая бы власть у нас не была, то она не пошла бы на то, чтобы закрыть костелы и, что угнетением религии на всем земном шаре занимается только Советская власть” [9, спр. 17291]. Конечно же, можно ставить под сомнение точность и достоверность этого высказывания католика, записанного следователем в форме удобной для следствия, однако можно предположить, что в некоторой степени оно отражало взгляды М. Павлишина. Если это действительно так, то можно говорить о большом мужестве этого человека и его мученичестве за свою веру. В сформулированном в тот же день обвинительном заключении высказывания М. Павлишина комментировались следующим образом: “Прикрываясь религией, Павлишин вызывал недовольствия Советской властью среди населения” [9, спр. 17291]. Кроме того, он обвинялся в тесной связи с ксендзами Я. Свидерским и Я. Зданевичем, “по заданиям которых вовлекал колхозников в религиозно-националистические кружки “Ружанцы” [9, спр. 17291]. В итоге, католик был расстрелян 19 января 1938 г., в 1989 г. – был реабилитирован.

Все выше перечисленных случаи обвинительных заключений были сформулированы “особой тройкой”, руководствуясь оперативным приказом наркома Николая Ежова № 00485 от 11 августа 1937 года, т.е. в рамках “польской операции”. Арестованные католики содержались под стражей в Винницкой тюрьме НКВД. Приговоренные к расстрелу там, вероятнее всего, в Виннице и погибли. Массовые могилы с телами жертв были обнаружены во время немецкой оккупации в 1943 году. Среди эксгумированных тогда тел около 20 принадлежало жителям с. Хутор Чемериский, опознанным их близкими [7, с. 133].

Каковы были механизмы делопроизводства и методы добычи показаний можно проследить на примере дела Петра Каплычного из с. Затоки. В сентябре 1981 г. жена репрессированного, Людвика Филипповна Каплычная, направила в КГБ СССР заявление о реабилитации мужа. Пересмотр следственного дела П. Каплычного выявил необоснованность обвинений с 1938 года. Допрошенные тогда свидетели указали, что данные тогда на Каплычного характеристики не соответствовали действительности. Они высказывали самые положительные мнения о репрессированном, как о честном, доброжелательном и неконфликтном человеке, трудолюбивом и заботливо относящемся к колхозному имуществу, принципиальном и требовательном, по праву пользовавшимся среди односельчан авторитетом. Другой свидетель, бывший тогда в с. Лодзиевке (Затоки) финансовым агентом, рассказал, как проводились аресты в селе. В январе 1938 г. в Палиевский сельсовет приехало 3 работника НКВД Барского района. К ночи там

собрали актив сел Лодзиевка, Палиевка (Мирное), Каноницкое и др. Один из сотрудников НКВД призвал собравшихся помочь провести “чистку” антисоветски настроенного элемента, в том числе тех, кто выступал против коллективизации. Потребовал назвать конкретные фамилии и дать им характеристику. Таким образом было названо около 30 человек, в том числе и Петр Каплычный. Его ложная характеристика писалась под диктовку председателя колхоза, который таким образом хотел отомстить Каплычному за его критику бесхозяйственности в управлении колхозом. По словам свидетеля, он отказался подписать эту характеристику, однако сотрудник НКВД пригрозил ему “не шутить с огнем”, заставив подписать все характеристики за секретаря колхоза [9, спр. 16379].

Много лет спустя, уже в условиях независимой Украины, родственники и знакомые репрессированных и депортированных вспоминали их как добрых людей, глубоко религиозных католиков, невинно наказанных.

Список мучеников за веру из Барского прихода далеко не полный. Восстановление персоналий всех репрессированных по религиозному принципу требует углубленных исследований. Приведенный пример Барского римско-католического прихода св. Анны еще раз подтверждает, что масштаб трагедии католиков в советской Украине в годы сталинских репрессий был связан с сопряжением религиозного признака с национальным – в данном случае с польским происхождением жертв. Рассказанные истории прихожан Барского прихода иллюстрируют жестокие механизмы сталинского террора, который осуществлялся вопреки закрепленному в советской конституции принципу свободы совести.

Используемая литература:

1. “З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ”. – 2003. – № 2(21).
2. *Dzwonkowski R.* Losy duchowieństwa katolickiego w ZSRR 1917–1939: Martyrologium. / R Dzwonkowski. – Lublin, 1998.
3. *Grajewski A.* Najdłuższa religijna wojna XX wieku. Z dziejów ateizmu w ZSRR / A. Grajewski // *Chrześcijaństwo w Związku Radzieckim w dobie pierestrojki i głośności* / ред. W. Grzeszczak. – Warszawa, 1992.
4. *Kumor B.* Kościół i katolicy w Cesarstwie Rosyjskim (do 1918 roku) / B. Kumor // *Odrodzenie Kościoła katolickiego w byłym ZSRR: Studia historyczno-demograficzne* / ред. E. Walewander. – Lublin, 1993. – С. 17-79.
5. *Rosowski W.* Dzieje rzymskokatolickiej diecezji kamienieckiej w latach 1918–1941 / W. Rosowski. – Lublin, 2008.
6. *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939 / H. Stroński. – Warszawa, 1998.
7. *Wyszkowski P.* Moc wiary: Próba przedstawienia prześladowań Kościoła katolickiego na Ukrainie na przykładzie parafii św. Anny w Barze w latach 1917–1991. / P. Wyszkowski. – Poznań, 1998.
8. Вінниця: злочин без кари. Документи, свідчення / під ред. С. Сверстюк, О. Скоп. – Київ, 1994.
9. Державний архів Вінницької області (ДАВО). – Ф. Р-6023, оп. 4, спр. 6719; 10468; 11973; 14570; 16379; 16485; 17236; 17241; 17291; 17732; 20270; 20912; 22042; 22423.
10. *Соколовський О. К.* Церква Христова 1920–1940 рр. Переслідування християн в СРСР. / О. К. Соколовський. – Київ, 1999.

КОЗИРСЬКА А. Репресії проти католиків Барського римсько-католицького приходу (1937–1938 рр.)

Досліджено сталінські репресії проти Католицької церкви в УРСР на прикладі Барського приходу св. Анни у Вінницькій області в 1937–1938 рр. Визначені цілі, форми та засоби антирелігійної сталінської політики. Простежено долі католиків приходу св. Анни, репресованих “за польською лінією”.

Ключові слова: сталінські репресії 1937–1938 рр. у Вінницькій області, положення Римсько-католицької церкви в УРСР, репресії проти поляків, “польська операція”.

KOZIRSKAYA A. Repressions against the Catholic of Barsky Roman-Catholic parish (1937–1938).

Stalin's repressions against the Catholic Church in the USSR on the example of the Bar's parish of St. Anna in the Vinnitsa region in 1937–1938 were studied. It was defined the goals, forms and means of anti-Stalinist policy. The fate of the Catholic parish of St. Anna, which were repressed by “Polish line” was traced.

Keywords: Stalin repressions of 1937–1938 in the Vinnytsia region, the position of the Roman Catholic Church in the USSR, repressions against the polish, “Polish operation”.

УДК 796:303.446.4 (477)

**Тимошенко Ю. О.
Національний університет фізичного
виховання і спорту України**

**СПОРТИВНА ПРОБЛЕМАТИКА 1920–1940-Х РОКІВ
В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИОГРАФІЇ**

У статті проаналізовано стан розробки проблеми історії спорту у спеціальній літературі. Із об'єктивних причин у радянській науці мейнстримними були події, що відбувалися на російських теренах. Національні аспекти виступали головним чином у якості додаткового, але не завжди обов'язкового антуражу. Відтак, нині у спеціальній літературі відчувається брак фактичного матеріалу, що зображав би фізкультурне життя у підрадянській Україні. Наявні протиріччя у висвітленні взаємин держави і фізичної культури потребують фахового пояснення й інтерпретації.

Зауважено упосліджене ставлення до фізкультурної тематики зі сторони фахівців історичної науки, які лише розпочинають свої фахові дослідження у вказаній царині. Проведений аналіз вітчизняної та зарубіжної історіографії свідчить, що основний масив опрацьованої літератури – це або науково-популярні роботи, або підручники. Це дає підстави стверджувати: на сьогодні наявна сукупність знань щодо фізкультурно-спортивної сфери підрадянської України 20-40-х років потребує належного переосмислення, відповідного теоретико-методологічного обґрунтування в контексті історичної науки.

Ключові слова: історіографія, монографія, дисертація, фізичне виховання і спорт.

У науковому дискурсі постмодерна доба характеризується усуненням викривлень радянських пріоритетів пошукової роботи. Радянський Союз – це певна епоха, що закінчилася (як мінімум політично) в своєму історичному